

Ария Тес

ПОСЛЕ РАЗВОДА

*самая красивая
женщина*

Ария Тес

**После развода. Самая
красивая женщина**

«Литнет»

2024

Тес А.

После развода. Самая красивая женщина / А. Тес — «Литнет», 2024

- ...я пытался, Ань. Я правда пытался, но ничего не получается. Я не могу больше врать...- Врать о чем? - переспрашиваю еле слышно, хотя уже знаю ответ на этот вопрос. Глеб долго молчит. Он смотрит в одну точку, будто ему страшно произнести то, что он хочет сказать, судя по всему, уже давно. А я... я не знаю, как объяснить это состояние. Оно просто похоже на разрушение, за которым приходит абсолютная пустота. Наконец, он медленно поднимает глаза и ставит эту точку, которая навсегда разделит мою жизнь на «до» и «после».- Я пытался выкинуть ее из головы, но это выше моих сил. Влюбился. Как мальчишка. Прости меня. Так начинается тотальное уничтожение моего мира, которое сопровождается сорванным голосом, опухшими глазами, истериками и горой транквилизаторов. А потом его свадьбой через четыре месяца после нашего развода... Три года мне потребовалось, чтобы подвести себя к подобию нормы, но он снова врывается в мою жизнь, потому что ему нужна моя помощь. Судьба-злодейка, да? Или это ты идиот, если думаешь, что женщина, которую ты уничтожил, действительно поможет, а не вернет тебе твой же неосторожно выпущенный бумеранг...

Содержание

«Влюбился»	5
«Мне жаль»	8
«Когда холодного разума нет, а горячее сердце стучит слишком быстро»	13
«Мокрый щенок под дождем»	20
«Из-за мужика?...»	24
«Развод»	27
«Определи, что тебе важнее»	32
«Париж»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

«Влюбился»

Глеб

Я — мудака.

Хорошее начало, согласитесь. Но это правда. Мне бы хотелось, чтобы ситуация складывалась иначе, только у нас редко получается так, как хочется.

Я — мудака. Я — скотина. Я — неверный муж.

Шумно выдыхаю, откинувшись на подголовник своего Мерседеса, а сам смотрю на дом. Это мой дом. На четырнадцатом этаже находится моя квартира. А внутри меня ждет моя жена.

Пока мои мысли совсем в другом месте.

Они в другой высотке. В другой квартире на тридцатом этаже. И они с другой женщиной, от которой меня ведет, как подростка в пубертат.

Я увидел ее случайно. Точнее, увидеть ее случайно — это, конечно, не совсем реальное положение дел. Стефанию называют самой красивой женщиной Москвы. Ее лицо украшает половину билбордов, а ее тело дефилирует почти по всем показам модной одежды.

Ее тело...

Прикрываю глаза и шумно сглатываю напряжение, которое снова возникает во мне, как только перед глазами возникают образы, как это тело может выгибаться. Ее тонкая талия, ровные линии пресса. Как красиво она двигалась на мне всего час назад. Как ее волосы рассыпались по плечам. Как от нее пахло.

Черт!

Потираю лицо сухими ладонями.

Я никогда не хотел быть таким мужчиной. Предателем, мудаком, но ничего не могу с собой сделать. С тех пор как я увидел ее, как только заговорил — пропал.

С этим невозможно бороться.

Это притяжение сильнее меня. Сильнее всего на свете! Любых моральных принципов, и уж точно сильнее моих чувств к Ане.

А раньше они были другими...

Я помню, как впервые увидел свою жену. Она была восемнадцатилетней писюшкой, которая смеялась так громко и звонко, что я не мог оторвать от нее глаз. Сейчас этого уже, конечно, нет... ей давно не восемнадцать. Двадцать пять. И мне давно не двадцать три. Мне тридцать, ведь прошло уже долгих семь лет, за которые, видимо, изменилось слишком многое. Может быть, и правду говорят, что любовь живет три года? Я ведь раньше ни за что не посмотрел бы на сторону. А может, все гораздо прозаичней? Так просто бывает. Никто не застрахован однажды встретить человека, от которого тебя будет коротить, как меня от Стефании.

И это было неизбежно.

Мы бы все равно встретились так или иначе. Она стала частым гостем на различных мероприятиях, куда я хожу по работе. Нет, мы бы точно встретились, и в этом никто не виноват. Просто к ней я отношусь, как к королеве, а Аня...она для меня друг. Мой лучший друг, близкий человек, но уже не любимая женщина, которую я хочу каждую секунду. Так бывает же, да? Никто не застрахован. И я не застрахован. И с нами так случилось.

Мне жаль.

Мне очень жаль, что все произошло именно так. Я этого не хотел, но назад пути нет. Пора признать факты и порвать этот гордиев узел. Я уже три месяца пытаюсь его порвать, но не могу открыть рта, когда смотрю Ане в глаза.

Она — мой лучший друг. Она — мой близкий человек. Она была рядом со мной, когда у меня ничего не было. Она помогла мне подняться. Ее отец дал мне денег на развитие моего

бизнеса. Небольшая печатная точка, которая за семь лет разрослась и стала крупным издательством.

Тем мое предательство гаже, полагаю? Да, тем оно гаже. Может выглядит так, будто я использовал свою жену? Нет, это не так. Когда-то я ее очень сильно любил. Просто больше не люблю. Так же бывает...?

Да, Глеб, так бывает. И тебе пора прекратить водить ее за нос. Врать, что ты задерживаешься допоздна на работе, а на самом деле ехать в ресторан со Стефанией. Или в кино. Или к ней домой, где ты занимаешься с ней любовью, пока твоя жена думает, что ты ведешь переговоры.

Я — мудак. Гадкий человек. Отвратительный. И мне очень стыдно, но я по-другому не мог. Побороть свое влечение оказалось...невозможно.

Пора. Еще пару мгновений я даю себе, чтобы взять себя в руки и построить в голове хотя бы первую фразу из непростого разговора, который мне предстоит.

Потом выхожу из машины и нажимаю на ключ, чтобы ее закрыть.

Снова поднимаю глаза. В нашей квартире горит свет. Наверно, она еще не спит. Наверно, работает. А может быть, просто ждет меня? От этих мыслей больно и горько, и я себя ненавижу еще больше.

Прости меня, Аня. Надеюсь, ты сможешь простить меня, после того, что я скажу тебе сегодня...

Аня

С самого утра меня было дурное предчувствие, что этот день станет каким-то особенно гадким. Даже, я бы сказала, с ночи, когда я вставала, чтобы попить воды и проверить свой телефон. Точнее, мужа. Он снова задерживался на работе допоздна.

Это происходит уже какое-то время. Если честно, очень продолжительное, чтобы я не находила себе места последние несколько месяцев, но в плохое верить не хочется. Да тупо страшно верить, что, может быть, за твоей спиной происходит что-то по-настоящему важное, а ты, как страус в песок, голову спрятала и радуешься.

Ну, справедливости ради, радуюсь я не на самом деле.

Это притворство. Я изо всех сил притворяюсь, что не замечаю очевидных перемен, потому что в страшное все еще страшно верить.

Даже если страшное уже стоит слоном в твоей спальне, когда муж ссылается на усталость в ответ на попытку стать ему ближе, отворачивается. Это особенно сильно бьет...то, как он отворачивается каждый раз, когда я тянусь за лаской.

Еще одна истина: женщина всегда чувствуют, когда ее обманывают. И я чувствую. Думаю, я даже с точностью до миллисекунд могу назвать время, когда это началось.

Но мне об этом снова страшно думать. Я не хочу.

Отгоняю все это подальше, обнимаю себя покрепче и поднимаю глаза на супруга. Он только что переступил порог нашего дома, после очередной, уже ставшей нормой, задержки на работе.

Только это не работа.

Мое женское сердце чувствует, что это что-то другое. У него такой виноватый вид... господи, какой же у него виноватый вид...

Глеб медленно снимает свое пальто, потом ботинки, запускает пальцы в длинные волосы и отводит их назад.

Я не могу за этим наблюдать.

Страх нарастает до безумных размеров, будто вот-вот случится то, что перевернет мою жизнь, а я к этому совсем не готова! Пожалуйста, только не это...

Поворачиваюсь и наскоро говорю:

- Ты, наверно, проголодался. Я разогрею.

- Ань... - звучит его тихий голос, который я игнорирую.

Это просто, на самом деле. Сделать вид, что ты ничего не слышала. Ни тоски, ни сожаления, ни того самого решения, которое отражается в каждом гребаном звуке моего имени! И я его сейчас ненавижу просто!

Жмуюсь, отмахиваюсь, быстро достаю кастрюлю из холодильника, а руки трясутся...

Прекрати! Прекрати! Прекрати! Чего ты себе напридумывала?! Это все бред! Ты все себе придумала, придумала, придумала!

Этого не может быть!

От отчаяния я готова уже сейчас разрыдаться, а когда слышу его тихие, но твердые шаги, застываю.

Глеб еле слышно вздыхает и садится на стул за наш большой стол, который так и не стал... нужным? Полагаю, да. У нас нет детей. Мы так и не завели их, хотя когда-то очень хотели. Глеб просил подождать. Он просил дать себе время, чтобы успеть развить бизнес и потом ни в чем не нуждаться.

Я не была против.

В конце концов, мне всего двадцать пять. Ему тридцать. Это не критичный возраст для детей, и еще пару лет он точно будет в пределах нынешней нормы! Но есть ли у меня эти пару лет?...

Я чувствую, что нет.

Даже не так. Я чувствую, что будет, потому что сердце упрямо стучит «за» нашу любовь, которая не изменилась, а вот разум... разум говорит правду.

Все изменилось.

За твоей спиной.

Все стало иначе, а ты и не заметила...

- Ань, нам нужно поговорить, - звучит то, что ты надеешься никогда не услышать от любимого человека, а когда слышишь... проваливаешься.

Я не знаю «куда».

Я просто провалилась в холод, снег и лед, где ничто и никогда не будет, как прежде...

От автора: Визуал #####

<https://litnet.com/ru/blogs/post/675530>

«Мне жаль»

Аня

- Нам нужно поговорить, - Глеб повторяет тверже, а я понимаю, что выхода-то у меня нет.

Я припёрта к стенке. Сердце в груди тарабанит, пальчики подрагивают, нутро все в узел!

Страх...он обливает меня нескончаемым, ледяным душем, но бежать некуда.

Не знаю, как удастся повернуться к нему лицом. Не знаю, как удастся устоять под пристальным взглядом, наполненным до краев...чувством вины.

Эта вина уже говорит мне о том, что случилось.

Она уже мне все сказала, как бы я ни зажимала свои уши. Даже кричать бесполезно. Я вижу этот взгляд и все уже знаю.

Я знаю, что ты сейчас скажешь...

Как в замедленной съемке смотрю, как он медленно открывает рот. Сердце резко тормозит прямо в ребра. Дыхание спирает, а кислород застревает в глотке огромной такой таблеткой, которую я не могу проглотить.

Но это еще полбеды.

У меня с душой происходит такое, что до какого-то дыхания и сердца? Пф, какие пустяки, когда тебя перемалывает на мясорубке, да?

Это фарш.

Внутри меня фарш.

Там, в груди, где раньше было спокойно и тепло — расчлененка.

Пожалуйста, не произноси этих слов...давай...давай, мы просто притворимся, что ничего не было? Пусть я знаю, что было, но сейчас мне проще трусливо прикинуться ветошью. Такой, знаете? Тупой женой-кукушкой, которая не замечает, как муж, прикрываясь работой, медленно, но верно...теряет ко мне интерес.

Мда...

Какой позор! Какой срам! Чем я думаю? Где моя женская гордость? Я не знаю. Честно. Потому что я знала слишком давно, а все равно отчаянно старалась его удержать. Покупала новое белье. Платья. Делала укладку другую. Цвет волос пока не успела изменить, но хотела! Хотя для меня это...ну, как бы серьезно. У меня волосы, как у мамы были в юности, и я хотела бы быть на нее похожей. Она пережила смерть моего отца, а потом быстро собралась в кучу и вернулась на работу. Она -- сильная женщина. И я хотела бы быть, как она. Не гнаться за тем, кто от тебя убегает, но...

Но...

Увы, все сложилось иначе.

Я гналась, хотя знала. Я знала, что за моей спиной, в темноте...там происходит что-то непоправимое.

Меня предают.

Я это просто знала. Каждый раз, когда он приходил домой и отворачивался от меня...я не чувствовала запаха духов, но я чувствовала ее присутствие.

Другой женщины.

- Ань, у меня появилась другая женщина, - Глеб говорит тихо, а для меня звучит, как мощная, пожарная сирена.

Притом вставленная прямо мне в башку.

ВУ-У-У-У! ВУ-У-У-У-У...!!!

Жмуюсь.

Сильнее.

Обхватываю себя руками.

Сильнее.

Мне нечем дышать. Меня расщепляет на атомы. Я аннигилирую...

Так забавно. Я знала, что этот день станет очень гадким, но не думала, что настолько. И я знала, что у него кто-то появился, но... все равно не была готова услышать, как он произнесет эти слова вслух.

Вот так рушатся жизни.

Точнее, моя жизнь, очевидно. Не его.

Он выглядит виноватым, но ему не жаль. Ему не жаль, что *она* у него появилась. Он счастлив...

- Ты же несерьезно, Глеб, - дура.

Я — дура.

Я хочу, чтобы это была шутка, пусть и знаю, что это не так. Но я хочу! Я мечтаю, чтобы в нем сейчас проснулся так-себе-комик из Кривого зеркала. Какой-нибудь самый дебильный. Ну, знаете? Один из тех, кому актеры из зала рукоплещут громче остальных.

Господи, ну, пожалуйста!

Только здесь господа нет. Только я и мой муж, который медленно мотает головой.

- Это не шутка. Мне очень жаль, Ань...но...

- Но?

- Я пытался это остановить. Я пытался бороться.....я пытался, Ань. Я правда пытался, но ничего не получается. Я не могу больше врать...

- Врать о чем? - переспрашиваю еле слышно, хотя уже знаю ответ на этот вопрос.

Глеб долго молчит. Он смотрит в одну точку, будто ему страшно произнести то, что он хочет сказать, судя по всему, уже давно. А я...я не знаю, как объяснить это состояние. Оно просто похоже на разрушение, за которым приходит абсолютная пустота.

Наконец, он медленно поднимает глаза и ставит эту точку, которая навсегда разделит мою жизнь на «до» и «после».

- Я пытался выкинуть ее из головы, но это выше моих сил. Влюбился, как мальчишка. Прости меня.

Влюбился...

Наверно, обычный секс я бы смогла пережить, но...чувства? Влюбился? Влюбился, сука! Он влюбился!

Громко, некрасиво всхлипываю и ловлю за хвост другое состояние. Фурии такой, знаете? Бешеной. Она вот-вот кинется на своего мужа, который посмел...влюбиться!

Это неправда!

Припадочная...

Я будто посреди бушующего океана в тоненькой лодочке, и меня бросает из крайности в крайность. Слезы текут по лицу. Сейчас мне плевать, что это некрасиво. Я задыхаюсь, меня трясет, я не могу думать!

Колотит...как же меня колотит...

Вонзаю ногти в ладони, но...сука, ничего не помогает! Мне так больно внутри, что я не чувствую ничего из того, что происходит снаружи. Хоть пытай! Мда...сейчас, хах! Сейчас я могла бы стать отличным шпионом, которого никто не заставит выдать ни одной тайны.

Потому что мне плевать.

Я не почувствую боли, пока изнутри меня снова перемалывает. Что-то заходит в душу с битой, разбивает ей каждую дорогую частичку. И я ничего больше не чувствую, кроме дикой-дикой боли...

Влюбился...

Влюбился...

- Ань, тебе нужно присесть, - не замечаю, как Глеб оказывается рядом.

На его физиономии снова ненавистная вина и лицемерная забота! Ублюдок! Да как ты смеешь! Как ты... смеешь!

Рычу, как раненный зверь, а сама бью по рукам, которые вмиг стали грязными для меня. Моментально просто! Моментально!

- НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

Глеб останавливается рядом, хмурит брови. Кажется, он старается найти во мне хотя бы грамм разума, но... куда там?

Ты был моим первым мужчиной.

Я все для тебя.

Я всю душу тебе.

Я все сердце тебе.

Я все силы тебе.

Я свое время тебе.

Все одному тебе...

А ты...

- Ты изменял мне? - спрашиваю, еле выталкивая слова наружу.

ЗАЧЕМ ТЫ ОБ ЭТОМ СПРАШИВАЕШЬ?! ТЫ СОШЛА С УМА, АНЯ?! ЗАМОЛЧИ!
ТЫ ЖЕ... девочка, замолчи... ты же не переживешь, если услышишь и это... ты просто не переживешь...

Наверно, Глеб это знает? Или ему просто тупо страшно произнести вслух? Вытащить всю свою грязь наружу, а?! ТЕБЕ СТЫДНО?!

- ТЫ МНЕ ИЗМЕНЯЛ?! - ору до боли в связках, он отводит глаза.

Из груди вырывается смешок.

- Изменял...

- Ань...

- Ты меня предал, - смотрю ему в глаза и шепчу так жалобно, что у самой сердце сжимается.

Какая же я жалкая...

Но остановиться не могу...

- Ты меня предал... ты предал меня... после семи лет, после всего, что было... ты меня предал.

- Ань... мне правда очень жаль.

Такой бред...

Дрожащими, холодными пальцами касаюсь своего лба.

Такой бред! Он извиняется! Извиняется, мать твою! Также нелепо выглядит, как если бы он воткнул мне в сердце нож и потом попросил прощения. Да... он и воткнул, полагаю? Поэтому я не могу дышать? Так себя чувствуют смертельно раненные, да? И сейчас будет свет в конце тоннеля?...

- Ань... - тихо зовет меня, я резко смотрю ему в глаза и снова режусь о вину и... жалость. Он меня жалеет.

Ему же жаль, да?

- Кто она? - выдыхаю еле слышно, Глеб мотает головой.

- Это неважно.

- Неважно? - удается усмехнуться, хотя мне лицо свело.

Или нет?

Может быть, и нет...

- Кто она! - добавляю голосу твердости (наверно), а потом улавливаю это.

Короткий взгляд его глаз куда-то мне за спину.

Я могла бы и не заметить, если бы не знала его так же хорошо, как я знаю.

Резко поворачиваюсь и тут же вылавливаю лицо.

Я ее знаю.

Ее все знают.

«Самая красивая женщина Москвы — Стефания...» — что там дальше в заголовке неважно. Важно другое.

Этот взгляд и она.

Волнение, испуг и благоговение, которое я тоже успеваю выцепить, обладая сейчас какими-то сумасшедшими рефлексами.

Это она.

Я точно знаю, что это она...

Медленно поворачиваюсь обратно и хриплю.

- Она?

- Аня, это неважно.

- ЭТО ОНА?!

Глеб чуть вздрагивает от моего крика и молчит. Только смотрит мне в глаза, а мне и не нужно ничего слышать.

Я знаю, что это она...

Ну, конечно...самая красивая женщина. И я. На кого падет выбор? Глупый вопрос.

Я не урод. Симпатичная, милая, но, конечно, до «самой красивой женщины» мне далеко. Рост не тот, фигура не такая ладная, личико...волосы...

Стефания невероятно красивая девушка. Черт, я сама ей восхищалась! А еще, ха! Знаете? Знаете, как здесь оказался этот журнал? Я его купила, а потом за ужином показывала ему ее фотографию в сексуальном, белом платье и спрашивала: милый, а если я себе такое куплю? Как думаешь? Твои партнеры выпадут в осадок?

Похоже, в осадок выпала я. Или он. Когда его тупая клуша-жена восхищалась его любовницей и спрашивала совета одеться, как она.

Какой ужас...

Меня окатывает отвращением. К себе, в основном. За бесконечную тупость. За то, какой жалкой я выглядела в тот момент, наверно. Пожалуй, и сейчас тоже.

Срываю журнал, рву его, как безумная, а Глеб хватает меня за запястья и рычит.

- Успокойся!

- Защищаешь святой лик своей потаскухи?!

- Она не потаскуха! Господи, Аня! Не сходи с ума!

- А КТО ОНА?! - ору, вцепившись ему в рубашку, глядя в глаза.

Глядя точно в его глаза, в которых просыпается злость.

Ну, конечно.

Он же влюбился.

Любимую обидели — непорядок...

- Успокойся, - цедит он, а я вырываюсь и так сильно дергаюсь, что ударяюсь о холодильник спиной.

Сверху на меня падает корзинка. В ней лежит что-то тяжелое, и, наверно, это больно? Но я же говорила. Я не чувствую физической боли. Мне на нее насрать.

А Глеб снова играет в отважного рыцаря в сияющих латах.

Делает на меня шаг, обеспокоенно смотрит и шепчет.

- Аня...

Мне так и хочется завопить: не произноси мое имя!!! Но я держусь за плечо, по которому схлопотала удар, смотрю на него исподлобья и шепчу.

- Убирайся...

Он стоит.

Стоит и продолжает на меня смотреть! Чего ты смотришь?! Вали!

- УБИРАЙСЯ! УХОДИТ ОТСЮДА! ВАЛИ! ЗАБИРАЙ СВОИ ШМОТКИ И ПРОВАЛИВАЙ!!!

Истерика нарастает.

Я начинаю задыхаться еще больше. Меня сильнее трясет. Я быстрее распадаюсь на атомы...

Уходи, Бога ради. Просто уходи, я не могу тебя видеть...

Глеб отступает. Я не знаю, может быть, я сказала это вслух? Или он просто трус, который не готов был столкнуться с последствиями своей внезапной «любви» к самой красивой женщине?

Я не знаю и не хочу знать. И слышать его тоже...

- Я дам тебе время остыть, а потом мы поговорим.

О чем нам говорить еще? Ты влюбился. Ты мне изменял. И это, полагаю, конец...

«Когда холодного разума нет, а горячее сердце стучит слишком быстро»

Аня

После того как закрывается входная дверь, я падаю на самое дно самой настоящей, самой бурной истерики, какие только обваливались на мою голову.

Помню, в детстве папа возил меня в деревню к своим родителям, а у них под боком текла речка с очень бурным течением. Красивая, но опасная. Она шумела так, что ее эхо разносилось по лесу за КИЛОМЕТРЫ от, собственно, источника шума. ЗА КИЛОМЕТРЫ!

Я помню ее пороги. Помню, как вода с грохотом падала в низины, а потом снова поднималась. Как она бурлила, крутилась и пенялась. И я помню миг, когда увидела ее впервые и поняла, что никогда в жизни туда не полезу. Ни. За. Что. Ее воды были непредсказуемы, а течение настолько сильным, что прямо передо мной с достаточной большой скоростью проплыло дерево, которое то и дело билось о большие, гладкие камни угольно-черного цвета.

Папа тогда посмотрел на меня с улыбкой, заметив искренний ужас на моей морщинке, и тихо хохотнул, слегка поддев кончик носа пальцем.

- Успокойся, принцесса. Мы туда и не полезем.

- Зачем тогда пришли?

- Хочу тебе кое-что показать.

И он показал. Папа отвел меня чуть дальше по берегу и ближе к огромным ивам, склонившимся к воде всей своей пышной кроной, а там...я впервые увидела что-то невероятно прекрасное и подумала: вот это жизнь, конечно, странная. Потому что я впервые поняла, насколько она может быть многогранной. Соседствуя с чистым безумием и смертью, передо мной на земле лежало небольшое, любовно свитое гнездо и пять белых яиц внутри.

Папа тогда прошептал:

- Сюда люди почти не ходят. Речка действительно опасная и очень многих утянула на дно.

- А птички не боятся...

- Да, дочка, не боятся. Птичек она защищает. Вот такой вот баланс.

Звучит очень красиво, конечно, но я совершенно не понимаю, почему сейчас, лежа на полу своей ванны и задыхаясь от боли, мне вдруг вспоминалась эта история.

Наверно, потому, что я нарушила свое собственное правило, да? И не заметила, как вошла в речку по горло, а теперь она меня затянула и бьет о те самые угольно-черные камни? Только где тогда здесь во всем баланс? Хороший вопрос.

Я не вижу просвета.

Сжимаю себя руками, стараюсь не развалиться на части, а больно так, что, похоже, я опоздала и уже развалилась. Меня продолжает колотить от камня к камню, только в моей реальности это слова.

Его слова.

Его взгляд, полный вины. Его жалость. Его правда.

«Влюбился...»

И все тут. Влюбился.

А что мне с этим делать? Особенно после того, как ты обещал, что никогда со мной так не поступишь? Наверно, именно тогда я и сделала свой первый шаг по направлению к чудовищной стихии, просто этого не поняла и не знала. Я вышла замуж, когда мне было почти девятнадцать и понятия не имела, что в жизни бывает так. Муж однажды придет и скажет тебе: «прости меня», хотя за этим извинением не будет и толики раскаяния.

Хотя важно ли это? Искреннее ли его раскаяние? Едва ли. Мне все равно непонятно, что с этим делать.

А, кстати, что?

Да и верю ли я в эту внезапную любовь? Откуда она взялась? Глеб изменился не так давно, чтобы говорить о глубоких чувствах! Глупости какие...! Значит, это обычная...похоть, так? Просто вожделение, а с этим работать можно.

Господи, что я несу...

Нет, ну а как? Да, Аня, так бывает. Мужчины... с ними так случается, к сожалению. Тем более, устоять перед этой моделькой сложно, ты сама восхищалась ее красотой, поэтому подбери сопли. Встала и пошла!

Я и иду. Сначала принимаю контрастный душ, потом сушу волосы, а потом звоню своей университетской подруге. Она у меня работает в модном журнале, один из ведущих редакторов, который знает всю эту кухню «от» и «до», поэтому знает все о Стефании.

Кто она. Что. И где находится сегодня.

Бросаю взгляд на отражение в зеркале. Конечно, выгляжу так себе, но сильнее меня пугает то, что я вижу в глубине своих глаз.

Он изменил тебе, что с этим собираешься делать, Аня?...

Но ответа на вопрос у меня нет, и я не хочу с этим разбираться. Не хочу об этом думать. Только не сейчас.

Сначала я должна сделать все, чтобы сохранить наши отношения. Возможно, у него что-то в голове перещелкнуло, и нам может понадобиться семейный психолог, но с этим я буду разбираться потом. Сначала основное: я должна удержать своего мужа, иначе просто сдохну.

Это хорошая цель. Правильная и жизнеутверждающая. Я цепляюсь за нее руками и ногами, чтобы тупо не захлебнуться в накатывающих со всех сторон волнах. Жаль, конечно, папа когда-то давно не предупредил меня о том, что наша жизнь и есть эта самая река, ну ничего. Разберусь сама. В конце концов, в любом шторме нужно найти хотя бы что-то, за что ты можешь уцепиться и не пойти на дно.

Я одеваюсь красиво. Фиолетовую блузку, которую заправляю в юбку. Волосы заплетаю в косу. Нужно соблюсти баланс между попыткой не ударить в грязь лицом и небрежностью образа, потому что я не хочу, чтобы она знала, что макияж я переделывала несколько раз и весь свой гардероб перемерила.

Не хочу.

Пусть видит меня другой. Уверенной в себе, стильной и гордой, а не половой тряпкой, об которую можно вытереть ноги.

Ну, что, готова? На самом деле нет. Я стою в прихожей полностью одетая и смотрю на себя в зеркало. Осталось только сделать шаг вперед, открыть дверь и спуститься, потом сесть в свою машину и поехать на фотосессию, где сейчас находится «самая красивая женщина», а я застыла.

Это неправильно! - настойчиво трубит гордость, - Не делай этого! Ты будешь выглядеть, как идиотка!

Но сердце толкает в другую сторону: я должна сохранить свой брак, а это возможно сделать, только поговорив с ней. Глеб ее не любит. Он не может ее любить, слишком мало времени для таких чувств! Он ее тупо хочет, а она потакает этим свиданиям, и раз он слишком слаб, чтобы их закончить, остается верить в женскую солидарность.

Да, женская солидарность... ну, и немного стыд. Я надеюсь, что ей станет стыдно, когда она меня увидит. Узнает, что я не просто что-то абстрактное, а живой человек, которому она так играючи вырывает сердце. Зачем ей Глеб, господи ты боже мой?! Она может получить любого! Пусть оставит моего мужа в покое и получит любого!

Да, именно так я ей и скажу! Именно так!

Наверно, все-таки стоило притормозить и все взвесить. Знаете? Подойти к оценке ситуации с холодным рассудком, но какой там холод, когда сердце твое так сильно шпарит?

Я выхожу на улицу и добегаю до машины, потом, как в тумане, еду до нужного мне адреса. Не спала всю ночь, и это сказывается. Пару раз чуть не врезаюсь в зад впереди стоящей тачки, но все-таки добираюсь без приключений.

Фотосессия проходит в загородном отеле. Здесь очень красиво и дорого. Сейчас снимают будущую обложку для первого, летнего месяца. Господи, надеюсь, что не в купальнике, иначе мой план точно провалится...

Так, ладно. Успокоилась, чтоб тебя! Ус-по-кой-ся.

Сильно сжимаю руль и жмущусь. На мгновение у меня проскакивает просветление холодного разума от глухо бьющегося горячего сердца, и я слышу свой внутренний голос:

Аня, господи, что ты творишь? Зачем это все? Зачем ты сама себя унижаешь? Он тебе изменил, за кого ты сражаешься?! Какой в жопу психолог!

Но все это заглушается звонким, женским смехом вывалившихся на улицу молодых моделей. И да. Одна из них Стефания.

Исподлобья наблюдаю за женщиной, которая разрушила всю мою жизнь, а у меня закрадывается мысль, что она даже значения этому не придавала. Будто так и надо. Вот она отделяется от своих подружек и дефилирует до ярко-красного Мерседеса, откинув густые, светлые волосы за спину. Она улыбается и выглядит просто потрясающе! Вся из себя принцесса гребаных, молочных холмов. Даже с бигудями, на которые уложена ее челка, в обычной майке и коротких, мягких шортах — она все равно самая яркая, сияющая звезда. Создается впечатление, что ее в этом мире ничего не сможет сломить, и вообще все! Абсолютно все! Ей по карману. Например, обложка в хорошем журнале? Модные показы? Машина? Чужой муж...

Таким женщинам все дается легко, и они действительно редко думают о нас. Простых смертных, которых оставили где-то там, на брэнной земле.

Это меня бесит.

Даже больше! Я впадаю в ярость и сильнее стискиваю кожаный руль. Честно? Больше всего на свете сейчас мне хочется напасть на нее, вырвать эти волосы, ударить побольнее! Может быть, даже придушить сучку! И это пугает. Я импульсивна, как любой творческий человек, но у меня никогда не было таких ярких, живых фантазий об увечьях и тем более об убийстве.

Не сейчас...

Сейчас я хочу ее убить, чего, конечно, не сделаю, но и пасовать перед малолетней писюшкой тоже не собираюсь! Все-таки, я — жена! Законная! А она любовница, мать ее! И все на моей стороне начиная с моральных устоев, заканчивая банальным законом!

Резко открываю дверь, хватаю свою сумку и вылетаю на улицу, а потом иду за ней.

- Стефания!

Девушка поворачивается и окидывает меня безразличным взглядом. Узнавания, кстати, ноль. Нет, она без понятия, кто я такая. Это тоже задевает, если честно, потому что она даже из праздного любопытства не посмотрела, как выглядит женщина, с мужем которой она спит! Зачем? Она уже знает, что он ее.

И он ее.

Это мысль неприятно шпарит, а отделаться почти невозможно. К сожалению, она цепляется за нутро, как пиявка, и пока я стараюсь не развалиться на части, Стефания подает мне первую подачу.

Которую я, конечно, благополучно пропускаю.

- Извините, если вы хотите фотографию или автограф, то не сейчас. Я на работе.

Голос до отвратительного сладкий и нежный, как чертова патока. Мне сразу до безумия захотелось выпить водички, ну, да ладно.

Возьми себя в руки!

- Я не ваша фанатка, - заявляю с вызовом, она хмыкает и поворачивает голову, но всего на мгновение.

Ей гораздо интереснее рыться в своем багажнике, чем стоять и говорить со мной.

- Тогда журналистка? Интервью я тоже не даю и...

- Я жена Глеба.

С наслаждением замечаю, как она замирает, что дает мне поводы думать, будто мяч теперь на моей половине поля. С вызовом поднимаю подбородок и добавляю.

- С тем самым Глебом, которого вы трахаете...кстати, где? В гостинице? На парковке? В его кабинете? Или для этих целей вы снимаете квартиру? М?

Слышу тихий смешок, а потом она медленно поворачивается на меня и поднимает брови. Мда...ошиблась я в расчетах мощно. Ей не стыдно. Ей абсолютно насрать...

- Вы приехали сюда, чтобы узнать, где я *занимаюсь любовью*?

Какой ты там любовью занимаешься, сука?! Господи! Любовью!

Меня корбит от ее высокомерного взгляда, от полуулыбки, и от того, как потрясюще-прекрасно она себя несет. Держится умопомрачительно, а я на ее фоне, как бедный родственник у помойки, и это бесит.

Это больно.

И это, к сожалению, правда.

Я моментально жалею, что приехала сюда. Я моментально чувствую себя клоуном, а все свои попытки — пустыми. Будто я какая-то собачонка, которая прыгает на слона, а он идет себе дальше и плевать хотел на все, что его окружает.

- Нет, не за этим, - говорю тихо, внезапно лишившись всей уверенности, которую сама себе и придумала.

Нет ее.

Это просто хорошее самовнушение...

А вот у нее она есть, и она у нее, в отличие от моей, не пузырь. Буквально осязаемая, та, что волнами расходится от нее в блеске сияния, как от ярчайшей звезды на небосводе.

- Тогда зачем? - спокойно спрашивает и снова отворачивается, - Надеюсь, не для каких-то глупостей? Если что, у меня адвокат на быстром наборе, а здесь куча охраны.

- Боитесь, что я устрою драку?

- Просто предупреждаю. Не хочу расстраивать Глеба, но и себя в обиду я не дам.

Сукасукасука! Она говорит о нем так, будто он ее мужчина! Но это не так! Это мой муж! Мой!

- Так что? Зачем вы приехали? - Стефания возвращает меня с небес на землю хлопком багажника.

В ее руках сумка, а на лице и тени страха нет. Тупое безразличие...

- Я хочу поговорить, - отвечаю на автомате, звезда хмыкает и кивает.

- Ясно, но проблема в том, что у меня нет времени на разговоры. Хотя...если вам это действительно нужно, что ж...можете пойти со мной. Пока мне будут делать прическу, я с вами поговорю.

Больше всего на свете я хочу послать ее в жопу. Сильнее всего на свете ощущаю, что мне этот разговор не нужен. Даже не так — он сделает только хуже, и мне бы бежать, но я почему-то киваю.

Это отчаянное желание разодрать себе душу? Или что? Мазохизм? Садизм? Селфхарм? Конечно, я прикрываюсь желанием сохранить своего мужа. Я за эту идею цепляюсь, как будто у меня мания, а может быть, оно так и есть.

Но разум снова твердит, что все зря.

Просто сердце слишком сильно и больно бьется, и я иду...иду за ней, как блеклая тень следую! Интересно, а ты ее уже ощущала? Пока крутила роман с моим мужем? Потому что я твою — да. Только это не тень была, к сожалению, а свет. Я слишком хорошо знаю и чувствую твой свет, подлая сука.

Слишком хорошо...

Стефания на меня не обращает никакого внимания. Она садится за свой столик в отдельной, импровизированной гримерке в одном из номеров загородного отеля, разглядывает свое отражение. Потом берет стакан и пьет кофе.

Я хочу, чтобы там оказался мышьяк! Но это так не работает. Мне остается только пыхтеть внутри себя и молча ждать, когда она скажет хоть что-то адекватное. Ну хотя бы, сука, что-то! Может быть, извини? Нет, бред. Кому нужны эти извинения? Мне? Едва ли. Тогда чего я от нее хочу?

Стефанию этот вопрос тоже интересует.

Она резко переводит на меня взгляд, откидывается на спинку кресла и кивает.

- Вы, кажется, хотели поговорить?

Хотела, но все настолько сюрреалистично сложилось в действительности, что я окончательно растерялась. Забыла все. Слова, претензии, свою боль, потому...господи! Я ее просто понять не могу! Как так можно?! И неужели все женщины такие высокомерные твари?!

Нет, не все.

Я бы так не смогла.

Знаю, что зарекаться нельзя, поэтому, даже если бы сложилось так, что у меня начались отношения с женатым мужчиной, я бы не смогла вести себя так, как ведет себя она.

Мне было бы стыдно.

Я бы даже в глаза не смотрела женщине, чье сердце я вырвала, а она...что-то мне подсказывает, даже не считает, что свернула где-то не туда.

Вот так.

То ли все простушки, вроде меня, слишком уж совестливые. То ли у Барби на заводе, где их производят, не предусматривают совесть.

- Я хочу, чтобы вы оставили моего мужа в покое, - говорю тихо, и на мгновение Стефания, конечно, застывает, но потом начинает смеяться.

Очень громко.

И очень неприятно.

Я уже даже плечи не могу расправить и притвориться, будто я в себе уверена. Не получается. Настолько я себя низко и дешево еще в жизни не ощущала...

Точно. Блеклая тень, которая распадается на атомы, когда в здание заходит яркая звезда.

- Вы же несерьезно? - иронично поднимает брови и вздыхает, - Пожалуйста, скажите, что это такая шутка.

- Вы считаете, что в этой ситуации уместно шутить?

Она гордо поднимает подбородок и тихонько цокает языком.

- Я считаю, что приезжать сюда было лишним.

- Вы спите с моим мужем.

- Да. И что дальше?

- Вам...не стыдно?

Глупый вопрос. Очень-очень-очень глупый.

- А должно быть? - Стефания снова переводит взгляд на свое отражение и берет пушистую кисточку, которой наносит персиковые румяна, которые так хорошо подходят ее типу кожи, - Я понимаю, что вам неприятно, но вы должны понимать: так случается.

- Что твой муж закрутит интрижку...

- Это не просто интрижка! - строго перебивает меня, зыркает и слегка щурится, - Мы любим друг друга.

А мне взвыть хочется!

- Ты серьезно?! Какая чушь! - в сердцах повышаю голос и делаю на нее шаг, - Какая это любовь?! Вы друг друга даже не знаете!

Жду, что она повернется и начнет доказывать мне обратное, но все происходит не так. Снова я в ней ошибаюсь, потому что, видимо, ошибаюсь в чувствах, которые они друг к другу испытывают, да?

Стефания не нервничает. Она плавно опускает кисточку на столик, плавно поворачивается и недолго смотрит мне в глаза, а потом также плавно и спокойно говорит.

- Я знаю, что он рассказал тебе правду вчера, и понимаю. Тебе больно и обидно. Конечно, я не понимаю, какого черта ты сюда приехала, потому что я бы никогда не поехала, но хорошо...допустим. Наверно, ты считаешь, что все это вранье? Глупости? И нет никаких чувств? Я тебя должна переубедить. В жизни так случается. Мы встретились, и все совпало.

- Он женат, - глупо повторяю я единственное, что остается в качестве разумных аргументов, но они не работают.

Стефания хмыкает и просто жмет плечами.

ПРОСТО. ЖМЕТ. ПЛЕЧАМИ.

- Он тебя больше не любит. Теперь я его женщина. Прими это и прекрати уже унижаться. Господи! Приехать сюда...как тебе вообще такое в голову пришло? У тебя нет самоуважения? Вообще никакого?

Цыкнув, она отворачивается от меня, а через мгновение в номер вбегает молоденькая девушка.

- Стеф, прости. Разговор был важный...

- Ничего страшного, у меня, можно сказать, тоже.

Одарив меня коротким взглядом, девушка берется за фен и кивает.

- Ага, супер. Так, ну что? Последние штрихи, и ты готова! Давай-ка...

Больше на меня никто не обращает внимания. Стефания не считает нужным закончить разговор, или считает, что того, что она уже сказала — достаточно.

Может быть, действительно достаточно.

Я медленно разворачиваюсь и иду на выход. Конечно, это была изначально тупая идея, и теперь я это понимаю. Жена не должна бегать к любовнице и выяснять отношения, хотя как себя остановить, наверно, я до сих пор так и не поняла. Что было правильным? Тоже. Сидеть сложа руки и смотреть, как у меня уводят мужа — невыносимо. Наверно, есть женщины, которые способны в момент агонии принимать здравые решения, наподобие вздернуть гордо нос и уйти, а я не смогла. Может быть, это отсутствие опыта. Может быть, слишком сильные чувства и боль.

Я не знаю.

Но этот разговор меня уничтожил.

Она не сказала мне ничего обидного, что, полагаю, хуже. Лучше бы говорила. Лучше бы шипела или вообще приперлась ко мне домой на разборки. Сама. Не я. Тогда было бы понятно, что есть хотя бы какой-то шанс, потому что тогда было бы понятно, что она в себе не уверена.

А тут все наоборот.

Это я в себе не уверена.

Сажу в лодке посреди бушующей реки, меня шатает из стороны в стороны, а волны вот-вот разобью хрупкую конструкцию, и что с этим делать, я не знаю.

Просто тупая протрация.

Просто потерянная.

Просто боль.

И очень много унижения. Чисто женского, которое логике не поддается, но слишком осязаемо, чтобы считаться пустотой.

Я из-за него теряю счет времени, пока сижу в своей машине, и за это, как и за необдуманные, скорые решения, полагаю, меня наказывают высшие силы.

Вижу знакомую машину. Я ее хорошо знаю, естественно, потому, что она принадлежит моему мужу.

Он приехал к ней в разгар рабочего дня, чего со мной никогда не делал. И как в замедленной съемке я наблюдаю картину: Глеб вылезает на улицу с широкой улыбкой, достает огромный букет цветов и поворачивается к зданию.

Его глаза горят.

А походка подозрительно сильно похожа на «летающую».

Потом я слышу визг. Это Стефания, которая подпрыгивает на одном месте, хлопает в ладоши и летит к нему в объятия.

Я резко переключаю передачи и даю по газам. Мне плевать, что он тоже узнает мою машину, ведь я уверена, что его подружка все ему расскажет. Пускай. Главное — побыстрее уехать отсюда, чтобы не видеть больше всего этого кошмара.

Мне достаточно.

Для них мне достаточно воспоминаний. Знаю, что теперь каждую ночь буду видеть эту сцену: его счастливые, горящие глаза и ее громкий смех. Как волосы рассыпаются по плечам...

Взгляд плывет от слез. Я еще сильнее сжимаю руль. Так, чтобы до боли, часто моргаю.

Впереди собирается черная туча. Наверно, пойдет дождь. Может быть, даже с грозой. Но даже если это будет ливень, вряд ли он сможет смыть то чувство гадливости от самой себя.

Да...это был очень-очень глупый поступок.

Все кончено.

Он влюбился...

«Мокрый щенок под дождем»

Аня

Слезы мешают видеть, а через пару мгновений и погода тоже. Дождь начинает долбить большими, сильными каплями по лобовому стеклу, где-то вдалеке гремит гроза. Сердце в груди стучит так быстро, что на мгновение мне кажется, что я умру. Вот так нелепо. Вся в грязи, униженная и оскорбленная, и можно сказать, ничтожная совсем.

В голове снова и снова мелькает образ счастливого Глеба, который вышагивает к своей любимой, а она летит ему навстречу. И ничего не мешает им... знаете? Ничего. Меня как будто не существует, а может, меня и не существует в их Вселенной на самом деле.

Я не понимаю.

Это какой-то особо острый газлайтинг, где тебя не просто заставляют думать, что ты — идиот, тебя тупо удаляют со всех карт, будто ты ничего не значишь. Будто ты не человек. Так, неприятное обстоятельство, которое можно просто взять и перешагнуть.

Он это сделал.

Он именно это и сделал! Просто перешагнул через меня и пошел дальше. Сломал и изуродовал мою душу, ведь после такого предательства обратной уже не будешь.

Ты никогда не станешь той собой, которой была всего пару дней назад, когда не знала. Догадываться можно о чем угодно, но сто процентная уверенность и знание, по сравнению с разного рода теориями ничего не значат. Это пыль и пепел, который удобно было списать на типичную, женскую натуру, которая буквально велит нам накручивать себя по мелочам.

А вон оно как. Не по мелочам. Может, такую правду в массы несут мужчины как раз? Чтобы удобней было делать из нас дур.

Но я себя не дурой чувствую, если честно. Щенком. Таким, знаете? Вроде бы и ничего, но меня словно взяли просто за неимением лучшего, «того-самого» варианта. Одним словом, не щенком мечты, но лучше хоть что-то, чем ничего. А теперь, когда появилась звезда, зачем нужны полумеры? Зачем соглашаться на меньшее, если ты можешь получить все?

И это унижительно с одной стороны, с другой, по-простому больно. Он-то был для меня мужчиной мечты, и сейчас осознавать, что для него я была лишь временным суррогатом — это сложно.

Я чувствую, как мой мир не просто рассыпается под ногами. Как он растекается густыми, настырными дорожками по лобовому стеклу. Фары встречной машины слепят, а длинный звук клаксона заставляет задыхаться чаще. Я цепляюсь за руль сильнее, сжимаю его до боли — пугаюсь. Кажется, я нарушила свою полосу и вылезла мордой на соседнюю, но я не специально. Хотя...это тоже ложь. Небольшая. На одно мгновение я думаю, что было бы гораздо проще продолжать ехать по подбитой траектории. Так просто будет лучше. Если я врежусь куда-то, мне не придется проходить унижительную процедуру развода. Не придется видеть Глеба и эту липкую жалость в его взгляде. Мне не придется представлять, да и лицезреть, скорее всего, как будут развиваться их отношения, попутно проходясь локомотивом по моей душе.

Все будет...просто закончено. Одним нелепым движением моей руки, но...

В этот момент происходит и что-то другое. Я потом пойму, что так происходит перерождение. Что именно так отмирает одна часть твоей души, чтобы на свое место встала другая. Уже не такая, возможно, наивная и нежная, зато сильная. Которая поможет тебе пережить абсолютно что угодно. Даже предательство любимого человека.

Но это будет потом. Пока я просто пугаюсь и резко дергаю руль. Мою машину немного заносит, что пугает меня еще больше. Я четко понимаю, что не хочу умирать, и да, сейчас мне больно, но дальше все будет хорошо.

У меня, клянусь, все будет хорошо! Назло вам всем! Но это будет думать вторая я, пока она лишь формируется, а первая списывает все на инстинкт самосохранения.

Даже вполне логичную остановку на обочине.

Я понимаю, что ехать дальше не вариант и сворачиваю, а потом заглушаю мотор и реву в голос. Шум дождя по крыше, по стеклу, заглушает мои крики, что, наверно, хорошо. А может быть, и нет. Мне сейчас плевать, кто и что подумает обо мне, да и кому думать? Рядом с щенком, выброшенным из хозяйской жизни, по всем канонам никого нет рядом. И со мной нет. Я одна на этой трассе, пусть мимо едет не одна сотня машин: я одна.

Сижу и рыдаю; рыдаю и сижу.

Весь макияж насмарку...

Да и кому какая разница? Тихо смеюсь на глупости, которые приходят мне в голову, а потом думаю о папе. Если бы он был жив, Глеб не поступил бы так. Я точно знаю. Он отца уважал и, как мне кажется, побаивался. А папе он никогда не нравился...

Я помню, как впервые привела его домой на знакомство. После папа поджал губы и помотал головой, а на мой вопрос о нем, ответил коротко.

- Много говорит.

И он был прав.

Когда мы познакомились с Глебом, у него не было ни хрена. Мои родители воспитали меня так, чтобы я знала — это не имеет значения. Твое состояние, деньги, там не знаю, статус... Важны лишь возможности и то, как ты этими возможностями распорядишься в будущем. У Глеба было очень много планов. Он почти окончил университет, в который я только что поступила, и у него уже был свой небольшой бизнес.

Мне нравилось его слушать. Мы с ним оба из одного, литературного мира, но я — автор, а он — издатель. Нет, когда-то давно Глеб тоже писал, но его единственный роман так и остался где-то на жестком диске. Он не смог его закончить, не хватило вдохновения, да и жизнь его пустила совсем по другой тропе.

Ему удавалось находить таланты. И, честно? Удастся до сих пор. Я так не могу. В смысле, видеть что-то стоящее в чужой работе. Не могу понять, выстрелит она или нет? А он может. У него природная чуйка на коммерческий успех. Наверно, поэтому папа в свое время и поверил в него. Наверно, поэтому он и дал деньги на развитие его издательства. А может быть, потому что он видел, как я его любила? И как в него верила?

Я в него очень верила. Каждый раз, когда у Глеба опускались руки, я сидела рядом с ним и внушала ему, что вот-вот, сейчас, судьба обязательно улыбнется ему, и он прорвется вперед.

Я видела в нем талант и искру, которую не давала терять, пока он не встал на ноги. И потом тоже... я всегда им так гордилась, и вот чем это кончилось.

Глеб действительно очень много говорит. Он умеет делать самые красивые комплименты, которые только в романах и можно встретить, потому что в реальной жизни таких не существует! И никто, никогда не сможет говорить мне таких же вещей, как он. Я это знаю... и это тоже больно, на самом деле. Ты же всегда сравниваешь будущее с прошлым. К сожалению, такова наша природа, и по другому она не работает.

Никто и никогда не будет любить меня также...

Некрасиво всхлипываю, почти лежу на своем сидении, а по радио играет такая песня.

Черт, что же это за песня...

Знаете, как говорят? Писателями становятся те, кому жизнь подбрасывает моменты, которые обычно просто невозможны. У меня таких моментов много. Например, мы познакомились с Глебом совершенно по-киношному. Когда я пришла со своими документами в деканат, там случился пожар, а я по незнанию запуталась в коридорах и уже почти попрощалась со своей жизнью, но появился он. Я помню, как Глеб подхватил меня на руки и понесся на выход, а потом долго сидел рядом и улыбался. Красивый, как поэт серебряного века. У него

и тогда были длинные, чуть выющиеся волосы, а еще голубые-голубые глаза. Как в такого не влюбиться? И как не влюбиться в мужчину, который читает тебе стихи этих самых поэтов? С которым твой первый раз — это еще один сюжет для романа: на крыше, при свечах, под песни Ласкового мая?

Сердце снова сжимается чуть сильнее, и я жмурюсь, цепляюсь за лацканы своей блузки, в надежде, что это прекратится.

Нет, дышать все еще сложно.

Но песня... да, концентрируйся на песне.

*You promised the world and I fell for it
I put you first and you adored it
Set fires to my forest
And you let it burn
Sang off-key in my chorus
'Cause it wasn't yours
I saw the signs and I ignored it
Rose-colored glasses all distorted
Set fire to my purpose
And I let it burn
You got off on the hurtin'
When it wasn't yours, yeah**

Я тихо усмехаюсь. Вот уж по истине судьба-злодейка, конечно. Песня эта очень в тему. Прямо саундтрек к моему разводу, да?

Нет, я не хочу ее слушать. Не сейчас. Может быть, позже, когда я буду готова, но точно не сейчас.

Быстро переключаю музыку в своем плей-лист, а потом поднимаю глаза. Все-таки, хорошо, что я не совершила никаких глупостей. Передо мной открывается вид на что-то совершенное. И снова, это слишком киношно, чтобы быть правдой, но это моя реальность. Или просто моя суперспособность видеть знаки в том, что тебя окружает.

Небо передо мной выглядит просто восхитительно. Притом, туча все еще нависает, она пышная и грозная. В ней еще происходит что-то нехорошее, но это небо... Оно яркое, сочное и такое солнечное... Лучи пробиваются через слои густых облаков и ударяют мне в глаза, будто кричат:

Да посмотри ты вокруг, дура! Столько всего прекрасного Я тебе даю, а ты сидишь и рыдаешь! Какого черта?! Я же все для тебя, а ты не обращаешь внимания! И плевать на него! И на нее плевать! Все возвращается, Аня. И я верну им обоим за тебя, так что прекращай! Бумеранг никто не отменял.

Это одновременно хорошие и плохие мысли, как то самое небо, которое я сейчас вижу. И то ли чисто на нем, то ли на упрямстве, я вытираю слезы, завожу машину и выезжаю обратно на трассу.

Черта с два я позволю всему этому меня сломить! И может быть, внутри я себя действительно чувствую, как глупый щенок, но я же не щенок. Я сильная. Так папа говорил, а мой папа всегда был прав, значит, в этом тоже прав.

Я справлюсь.

Не сразу. Но я справлюсь.

А чтобы этот удар пережить, я не еду домой, где меня ждет одна только истерика от тяжелой энергетики развалившегося брака. Я еду к маме. Кажется, сейчас мне не повредят пару уроков ее внутренней силы. Кажется... они совсем мне не повредят...

*Ты обещал мне целый мир, и я купилась на это.
Я ставила тебя на первое место, и ты это обожал.
Ты устроил пожар в моём лесу
И позволил ему сгореть.
В моём хоре ты пел фальшиво,
Ведь он был не твоим.
Я видела знаки и пренебрегала ими.
Розовые очки всё искажают.
Ты поджёг мои намерения,
И я позволила им сгореть.
Ты очень любил причинять боль,
Но только не себе, да.
Selena Gomez — Lose You to Love Me

От автора: если кто-то не знает, но ему интересно ##эта песня была написана бывшему молодому человеку Селене, с которым она встречалась почти десять лет, после того, как он начал встречаться с другой, а потом очень быстро на ней женился.

«Из-за мужика?...»

Аня

Мой дом — моя крепость.

Это хорошая поговорка, которая лучше всего описывает все то, что я чувствую, когда нахожусь в своем доме, где я выросла.

Мама так и не продала его, и вот сейчас, когда я сижу на хорошо знакомой, светлой кухне, будто получая билетик в прошлое. Каждый раз, когда я сидела на том же дубовом стуле и мяла пальцами одну из маминых любимых ажурных скатертей, мне гораздо проще прорыдаться и выговориться.

Чем я и занимаюсь.

Захлебываюсь в слезах и вываливаю на нее все. Все! Начиная с того момента, когда впервые увидела, что Глеб вернулся другим домой, заканчивая этой ужасной поездкой к его мадам.

- ... И я... а она... а потом... он... букет такой еще припер, сволочь! - сумбурное бурчание прерывает громкий, до комичного детский всхлип.

Мама мерно моет посуду...

Она у меня вообще такая. У нее внутри может бушевать буря, но она никогда ее не покажет, потому что считает, что слезы — это, конечно, хорошо, но они делу не помогут. Мою эмоциональность она списывает на профессию, а еще на очень нежный возраст. Ну и пусть! Может быть, она не сидит и не обнимает меня, не кудачет вокруг, а по факту — это лучшее, что сейчас мама может для меня сделать. Дать выговориться и помочь советом. Что мне делать? Я не знаю. Я совершенно не понимаю, что мне теперь делать...

- ... Там дождь шел, и я... чуть не врезалась...

Мама резко застывает, а тарелка выскакивает у нее из рук и гулко бьется о стенки раковины. Я замираю. Не решусь сказать, что на мгновение подумала о том, как было бы круто все-таки врезаться... только маме это и не нужно. Думаю, у всех мам работает какая-то внутренняя чуйка на весь тот треш, который творят их дети, и мне стыдно. Мне очень-очень стыдно, поэтому я затихаю окончательно и опускаю глаза на свои пальцы.

Пожалуйста, прости меня за эту глупость...

Вода выключается. Ну, вот сейчас она мне точно скажет, что я идиотка... А может, и пусть? В смысле... думаю, мне надо услышать это, чтобы окончательно подвести итог всего того, что со мной случилось.

Мама медленно оборачивается, и знаете? То, что она выдает дальше, чуть надменно приподняв бровь — это действительно лучшее, что со мной происходило.

- И это все... из-за мужика, Аня?

Вопрос такой простой, но такой точный. Он бьет в самую цель.

Ты тут сидишь, убиваешься. Ты убивалась до этого. Ты почти не спала. Ты позволила себе унизиться. Ты позволила унижить себя, а потом еще смотреть с мерзкой, липкой жалостью... и ради чего?! Ради мужика?

Как глупо...

Я внезапно чувствую себя такой идиоткой, что все остатки истерики испаряются и уходят куда-то на задний план, а я сама в тупике. Притом не в таком же, в каком была всего пару мгновений назад. Этот тупик означает одно: твой мозг встает на место. Со скрежетом, возможно, медленно, но встает.

Действительно.

Я все это допустила... из-за мужика? Господи, какой позор; где был мой разум? Я как будто его потеряла вместе с логикой и самоуважением.

Какого черта?...

Краснею и моргаю часто. Кожу неприятно стянуло, а ресницы слиплись. Мама долго смотрит на меня, а потом вздыхает и подходит к холодильнику, откуда достает вино и разливает его молча по бокалам.

Один двигает мне.

- Выпей. Оно ничего такое... в меру кисленькое, в меру сладенькое. Медовое. Мне понравилось.

Растерянно смотрю на бокал, потом снова на маму. Она не реагирует, выпивает свой бокал и громко вздыхает, а потом опускается на стул напротив меня и кивает.

- Знаю, Аня. Это очень больно... предательство — это страшно. Меня, конечно, Бог уберег от такого. Твой отец был потрясающим мужчиной, и знаешь? Так редко бывает... чтобы человек был и хорошим отцом, и хорошим мужем, но он был таким...

- Я знаю...

- Пей.

Пью.

Послушно подтягиваю к себе бокал и делаю небольшой глоток. И правда, ничего такое. Вино белое, фруктовое, отдает медом и оставляет хороший, сладкий привкус на языке.

Мама пару мгновений молчит, словно задумываясь над тем, что скажет дальше. Или над тем, как было раньше, когда папуля был еще жив...

- Но... ты не обижайся на меня, хорошо? С твоим Глебом все было сразу понятно.

- Что понятно?

- Он не такой мужчина. Глеб — очень много говорит.

- Я помню. Это мне папа сказал сразу.

- Потому что он видел его насквозь. Сразу сказал, что с Глебом этим... никогда не угадаешь.

- И вы молчали...

- А ты бы нас послушала? - горько усмехается она и снова наполняет свой бокал.

Я делаю глоток из своего. Нет, на самом деле. Не послушала бы, только разозлилась на родителей — вот и весь итог, который тоже не нужно озвучивать вслух. Мама все понимает. Она ласково мне улыбается, а потом проводит пальцами по щеке и кивает.

- Дети должны набивать шишки сами, Аня. Как иначе вы научитесь жить, а? Иногда это очень болезненные шишки, и как бы я хотела... доченька, как бы я хотела забрать себе всю твою боль, но, к сожалению, это невозможно. Ты должна сама с этим справиться, понимаешь?

- Наверно...

- И ты справишься, Ань. Ты у нас сильная. Мы тебя такой вырастили, да и потом... ты очень похожа на своего отца, а его ничто не смогло бы сломить. Будет сложно, врать не буду, но я буду рядом с тобой, доченька. И однажды ты будешь готова обернуться назад и просто посмеяться, что была такой дурочкой и так убивалась по мужчине, который того не стоит.

- Думаешь? - сжимаю ее пальчики сильнее, мама тихо усмехается и кивает.

- Знаю. Глеб — не твоя судьба. Он никогда не был твоей судьбой и никогда ей не станет. Пока ты с этим не готова согласиться, но когда ты встретишь своего человека, все поймешь. Это будет по-другому, - улыбается она мягко, - Но еще прекрасней, чем в первый раз...

Мне хочется в это верить. Сейчас я действительно не могу согласиться с тем, что говорит мне мама, но я привыкла доверять своим родителям. Они меня очень сильно любят и никогда не пытались переделать, а только поддерживали-поддерживали-поддерживали. Даже когда я выбрала профессию, которая, казалось бы, да? Сомнительная. В широком смысле этого слова, конечно же. В безопасном смысле. Гораздо эффективней было бы направить меня на другой путь. Например, в экономический или юридический. А писатель? Тут никогда не угадаешь, но мама и папа видели, как я горю своим делом, и они верили в мой талант. Видимо, такая

вера — наше семейное, а то, что Глеб никогда не делал этого — подчеркивает, что он нашей семьей так и не стал.

- Так, - мама упирает руки в стол и поднимает на ноги, - Пойду приготовлю твою комнату, а ты пока пей вино. И знаешь? Дам тебе еще один совет.

- Какой?

- Выдели себе время на страдания.

- В график его запихнуть, что ли? - усмехаюсь криво, мама тихо цокает языком.

- Я имела в виду, дай себе, например...неделю? Да, неделю на слезы и сопли, а потом бери-ка ты себя в руки, дорогая, и начинай заниматься разводом.

Развод...такое пугающее слово, но мама и это видит. Оно сжимает мое плечико и кивает.

- Знаю, страшно, Ань, но это только первый шаг сделать ужасно, потом станет легче.

Когда втянешься...

- Втянусь в развод?

- Ну...да? Люди существа такие. Они адаптируются ко всему, даже к самому страшному и ужасному. Всё. Подумай и озвучь, пожалуйста, сколько ты даешь себе времени на страдания, чтобы я тебя зазря не тыкала. Потом начну. Имей в виду. Начну, Аня. Ты у меня еще издаваться будешь, замуж выйдешь и детей нарожаешь назло всем «самым красивым женщинам» и подлым предателям. Все у нас будет хорошо.

- Обещаешь, мам?

Она ласково улыбается мне, приобнимает и кивает.

- Обещаю. Если боль твою себе забрать я не смогу, то с остальным проблем не возникнет.

И да, Аня. Надеюсь, это последний раз, когда я слышу о каких-то безумствах из-за сомнительных мужиков. Ясно?

Снова слегка краснею и тушуюсь, опустив глаза на свои руки.

- Ясно, мамуль. Прости. Черт попутал...что ли. Не знаю...

- Это была ошибка, на которой ты уже чему-то научилась. Видишь, Анют? Все неспроста. Запомни это. Если одна дверь закрывается, судьба всегда открывает другую. Ее нужно только увидеть...

«Развод»

Аня

Развод — это страшное слово. Мало того что оно разбивает твоё сердце, так ещё и ставит в положение, когда непонятно, что будет завтра и что тебя ждёт.

Развод — это конец. Всем твоим мечтам, всем твоим надеждам, всему, что когда-то было тебе дорого. Вот вчера ты ещё мечтала о том, как будет круто, когда у вас появится малыш. О том, как он будет похож на твоего любимого человека, а сегодня — ПУФ! И как «я влюбился, прости меня» — это такая же снежная лавина, которая падает тебе на голову и дико дезориентирует.

Но знаете... что хуже во всех этих бюрократических прелестях? Если так посудить? Хуже всего, когда развод этот происходит по любви.

Думаю, кому-то удавалось уворачиваться, и на их головы падали все последствия в момент, когда они уже не любили. Или, по крайней мере, не так любили. Но я не из этих везучих женщин. И отряхнуться мне сложно, а подняться с колен тем более.

Я закладываю на страдания неделю, но после этой недели мне всё ещё сложно осознать всё то, что произошло... в полной, того требующей мере. Наверно, если бы не мама, я пролежала бы в какой-то дикой кататонии ещё пару месяцев, но она, как и пообещала, едва стрелка часов перевалила за порог моего личного дедлайна, начала меня тормозить.

Я её в тот момент ненавидела, конечно... разумом ты всё понимаешь — это правильно. Нельзя зарываться в своих психологических проблемах или укутываться в них, как в любимый плед. Нужно жилы рвать, вставать и идти вперед, но как тут встанешь, когда только вчера ты захлебывался в своих слезах?

Да, их не стало меньше. Каждое напоминание о Глебе дерет мне душу, а он, кстати, не облегчает мои мытарства. О нет! Глеб названивает мне всю неделю, пока я боюсь выйти в сеть и увидеть какую-нибудь гадкую новость или... не знаю, фотографию? Глеба многие знают, а ещё у нас общий круг знакомых, что очевидно. И я как представляю, что они все будут знать... о нет, нет, нет. Хочется зарыться в безопасное место между своих подушек и там же навсегда остаться.

Но опять же — мама.

Прямо с утра по истечении недели она сует мне трубку в руки и кивает.

- Звони?

- Куда, мам? - устало тру глаза, она цокает языком.

- Опять всю ночь не спала... Аня! Хватит! Мы с тобой договорились.

- А что, если я не могу?! - рычу, за что мне, конечно, безумно стыдно, но раздражение сдержать не получается.

Мама проглатывает обиду. Я непременно извинюсь потом за то, что позволила себе сорваться на неё, но... не сейчас. Не могу сейчас. Это выше моих сил...

- Звони, - настырно продолжает она, пихая трубку к носу, - Давай! Он всю неделю мне прохода не дает! Припекло, ишь ты!

Это больно. Я на маму смотрю, как на врага, и не понимаю, зачем она уточняет? Ты специально меня по живому? И да, снова логика подсказывает, что это самый действенный способ: нельзя давать себе пустые надежды, которые я дала себе и забрала, потом снова выдала кредит и снова отняла его, а ещё проценты насчитала.

Глупо...

Но он звонит, и я надеюсь, что вдруг... Глеб передумал? Конечно же, нет. Мама права. Ему просто неймется побыстрее закончить одни отношения, чтобы не скрывать вторые. И вот

у меня вопрос: интересно, это его желания, или Стефания так сильно на него давит? Наверно, поставила ультиматум:

«Мине нядбоелё прятаться, Глебусик! Ти обисчяль! Сделай! Немедленнё! Хотю-хотю-хотю! Офитиальный стятюсь! Хотю и тёчка!»

Во, блин. В душ бы сходить...

Не знаю, может быть, я предвзята настолько, что в моей голове Стефания выглядит такой бесполезной, капризной сукой? Или это на самом деле так? Но мне неинтересно. Наверно, все-таки мама права. Надо позволить и побыстрее все отрезать, чтобы уже не думать и не вспоминать.

Ха! Конечно... так это не работает. Вот бы таблетку от памяти из Матрицы, но увы и ах, у меня есть только гренки и овсяная каша.

Ладно, хватит. Я правда тяну кота за причинное место, а это никому еще не помогало.

Мне страшно и больно. Мне ужасно. Но по итогу должно же стать лучше? Потом? Ну, когда-нибудь? И чем раньше я отрежу, тем ближе к «когда-нибудь» стану.

Киваю, а потом встаю и вместе с телефоном иду в библиотеку. Папа любил тут сидеть, и это тоже больно — видеть его кресло, а его нет, но... это последняя моя надежда на отцовскую поддержку.

Эта комната будто хранит его дух...

Поэтому я залезаю в кресло с ногами, прикрываю глаза и прикладываю трубку к уху, откуда идут совсем неприятные гудки.

Дуууу — дуууу - дууу.

- Аня? - звучит его тихий голос, от которого по моему телу идет рябь, как если бы в пруд бросили огромный булыжник.

Я сжимаюсь сильнее. Так странно... как может быть, что голос человека, который еще неделю назад был тебе дорог, сейчас... просто какое-то нечто. Ничего не стоящее нечто совершенного незнакомца...

Кто ты? И где мой Глеб? Или ты всегда таким был?

- Ань, ты меня слышишь?

Слышу, к сожалению.

Беззвучно выдыхаю, жмурюсь сильнее и киваю.

- Слышу. Ты звонил, я не могла говорить.

Какое жалкое оправдание. Будто он не знает, что с тобой сейчас происходит. Просто ему плевать. Он может, конечно, строить из себя рыцаря в блестящих латах, скорее всего, даже справится о моем самочувствии, но я знаю, что это блеф.

Ему насрать — вот она правда. Если бы все было иначе, он бы со мной так никогда не поступил...

- Кхм, да. Понимаю, - мнется он, а потом... о чудо! Это происходит, - Как твои дела?

Я же говорила.

От глупости ситуации хочется рассмеяться. Он опять это делает, только если сначала извинялся, теперь спрашивает, как мои дела? После того как вырвал сердце из груди, а в спину воткнул огромный нож.

- Давай ближе к делу, - резко отвечаю, - Ты же звонишь по поводу развода.

- Зачем ты так?

Его голос похож на лебединую песню. Столько же драмы и притворной заботы, от которой я бешусь еще больше.

Тварь!

Хватит строить из себя гребаную жертву обстоятельств или джентльмена! Это не твоя роль! Ты — злодей! Который убивает людей с трагичным выражением лица и комичным (относительно ситуации) «мне жаль».

- Ты подал заявление? - цежу, чтобы не сорваться в оскорбления.

Это никому не нужно. Ни мне, ни ему.

Глеб молчит пару мгновений, потом откашливается и говорит.

- Пока нет. Думаю, сначала нам надо обсудить имущество? Чтобы не возникло разногласий во время суда.

Напрягаюсь.

- Каких таких «разногласий»?

Все делим пополам. Такой закон. Кроме, разумеется, квартиры. Папа подарил ее на свадьбу, при этом сделал это через дарственную на мое имя. Знал. Он знал, что я рано или поздно с Глебом расстанусь...

«Он никогда не был твоей судьбой, и никогда ей не будет...»

- Я оставлю тебе машину, твои счета и квартиру...

- Ты мне оставишь мою же квартиру? Забавно.

- Ань, давай не будет превращаться в этих людей.

- В каких «этих» людей?!

- Врагов, которые готовы друг другу глотки вырвать из-за денег.

- Интересно...

- Я хочу все сделать правильно.

- Правильно?! - срываюсь все-таки на крик и резко вскакиваю на ноги, - Может быть, тогда не надо было трахать шалав у меня за спиной?! Как тебе такая идея?!

- Аня! - строго и жестко осаждаю меня, - Не выражайся — это во-первых, тебе не идет, а во-вторых... Стефания не шалава.

Из груди рвется глухой смешок, пока там все мешают огромной палкой. Очень грубо. И очень болезненно.

- А кто она? - слезы срываются с глаз, - Кто, Глеб?! Ей даже не стыдно!

- Ань, пожалуйста...

Мне приходится напомнить себе о том, что этот разговор смысла не имеет. Какой? Он будет ныть, будет отстаивать честь своей шлюхи, как бы парадоксально это ни звучало, а мне просто будет больно. Хотя справедливости ради, сейчас я чувствую больше отвращения, чем любви.

- Какие у нас могут быть разногласия, Глеб?

Он молчит пару мгновений, а потом тихо говорит.

- Я оставлю тебе машину, ни на что не буду претендовать больше, а сверху дам тебе денег, но... бизнес мы не делим.

Бам! Вот оно! Вот оно... я застываю и ушам своим не верю просто! От возмущения аж дыхание перебивает! Вот же... козлина!

- А ничего, что *твой* бизнес получил развитие благодаря деньгам *моего* отца, а?!

Я еле языком шевелю, если честно. Чего угодно можно было ожидать, но не этого! Не этого! Вот же... сука! Меркантильная, грязная тварь!

- Поэтому я оставлю тебе деньги. С процентами, Аня. Весь вклад твоего отца с...

- Ты просто... сука, Глеб.

- Аня, пожалуйста. Давай не будем опускаться до оскорблений!

Выдыхаю яростный смешок и кривлю губы.

- Не будем опускаться до оскорблений?! Ты меня использовал! Взял деньги моего отца, развил свое дело, а теперь, как отработанный материал, можно Аню и на помойку?! Так получается?!

- Да на какую помойку, Аня! Я оставлю тебе де-нь-ги! Еще раз повторяю! И достаточно много!

- А кто оплатит все мои силы, которые я в тебя вложила, а?! Все мою поддержку?! Заботу о тебе, гнилой ты человек! За мою любовь! Да кем бы ты был без меня?! Ничтожество!

Знаю-знаю-знаю. Меня несет. Но, черт! От такой несправедливости и гадливости. От мерзкого чувства себя использованной и в хвост, и в гриву...я просто не могу! Не могу сдержаться!

И знаете, что я получаю в ответ? Максимально циничное слово, которое расставляет все по своим местам.

- Проценты, Анна.

Вот так. Проценты. Проценты, Анна...до свидания.

- Ты...ты просто подлая тварь! Гандон! Ублюдок! Проценты?! Да пошел ты в жопу! Засунь их своей потаскухе в глотку! Тварь!...

Что я орала дальше, одному Богу известно. К концу моей тирады, где я высказала Глебу еще тонну оскорблений на уровне ультразвука, у меня даже в горле першило.

Он не ответил никак. Только тихо вздохнул и попросил «подумать» и все-таки подписать бумаги, которые он прислал с курьером.

Я сбросила. Какие такие бумаги?! Буду выяснять уже у мамы, а с этим куском дерьма мне говорить больше не о чем!

Вылетаю из библиотеки, а потом буквально бегу на первый этаж. По пути, конечно же, поскользываюсь и чуть не валюсь с лестницы, только мне наплевать. Я поднимаюсь моментально и продолжаю свое «увлекательное путешествие», а когда добираюсь до кухни, с порога рычу:

- Где бумаги, мама?!

- Что?

- БУМАГИ! КОТОРЫЕ! ПРИСЛАЛ! ЭТОТ! МУДАК! ГДЕ ОНИ?!

- Господи, Аня, что случилось?

- ГДЕ?!

Мама растерянно моргает, а потом подходит к окну и снимает с него желтый конверт, который я кромсаю, как бешеный росомаха.

Через мгновение я понимаю, что за бумаги. Простым языком? Это отказ от бизнеса. От своих законных прав! Он больших денег, взамен чего я получу тоже немаленькие отступные, конечно, а...и еще ж машину! И собственную квартиру! С поклоном!

- Сука... - от злости я так сильно впиваюсь пальцами в листы А4, что он под ними просто мнется.

А я мечтаю, что на их месте оказался бы Глеб и его подлая морда!

- Аня? - тихо зовет мама, я на нее взгляд бросаю и быстро шмыгаю носом, некрасиво вытерев его запястьем.

- Он хочет, чтобы я отказалась от бизнеса!

Еще пару мгновений тишины, за которыми следует аккуратный, но, как по мне, все равно тупой вопрос.

- И это...проблема?

- А ты не видишь проблемы?!

- Ань...

- Что, мам?! - ору, отшвыриваю бумаги в сторону и сбиваю ими бедную сахарницу, которая с грохотом падает на пол.

Потом уберу.

Пока у меня есть дела поважнее. Я жестко смотрю на маму и шиплю.

- Ты считаешь, что все нормально, так? Что я заслужила быть отюзанной и в хвост, и в гриву?!

- От...юзанной? Что это значит?

- И использованной, мама! Мало того что эта тварь мне изменяла, так теперь он еще хочет ошипать меня, как курицу перед обедом! И ты не видишь в этом проблемы?! Что за херня?!

Часто дышу, а мама молчит. Потом она вздыхает тихо, присаживается и собирает листы с пола, кладет их на стол и наконец-то смотрит мне в глаза.

- Ты хочешь честно, Ань?

- Что? - цежу сквозь зубы, мама жмет плечами.

- Пусть забирает.

- Мама, господи!

Не могу! Что за тупость?! Почему?! Это несправедливо! Я не меньше, чем он, вложила в издательство! Может быть, даже больше! А теперь, когда мне нашли замену, можно все обесценить! Не только наш брак, но и мой труд! Ну, разумеется. Конечно! А я такая милая и ласковая, все приму, все сожру, даже если это будет абсолютное дерьмо!

Закатываю глаза и смотрю в потолок. От обиды колотит и внутри, и снаружи. Как мы до такого докатились? И вот я снова задаюсь вопросом, который уже себе задавала: он стал таким или всегда им был, а я просто не видела?...

- Ань, послушай... - мама подходит ко мне и берет за руки, - Это всего лишь деньги. Твой папа позаботился, чтобы мы в них не нуждались, а он? Пусть забирает. Ты целее будешь.

- Я его в суде размотаю!

- И я в этом не сомневаюсь, но ты оплатишь этот суд не монетами, а своими нервами. Поверь, я понимаю, о чем я говорю. Зачем? Пусть подавится. Нам они...

- Неважно! Нужны или не нужны, это неважно, мама! Это принципиально! Потому что со мной так нельзя! Ясно?! Нельзя!

- Ань, я думаю в первую очередь о тебе. Этот процесс высосет из тебя все силы, а я этого не хочу. Посмотри на себя! На тень похожа! Похудела, осунулась...а что с тобой будет, когда ты вступишь в эту бессмысленную грызню?

Молчу. Не знаю, что со мной будет. Честно. Я даже не знаю, делаю я это из-за денег... хотя нет, это я знаю точно. Не из-за денег. Я воевать хочу не из-за денег, а потому что...со мной так нельзя! Я живой человек и...ну, нельзя так, понимаете?...

- Анют, - мама ласково улыбается и кивает, - Подумай о себе. Пусть забирает свое издательство, у нас и без него все будет хорошо. А он...ему это еще аукнется, доченька. Бесчестие и обман всегда возвращается, попомни мои слова...

«Определи, что тебе важнее»

Аня

Три дня кряду мы с мамой находимся в серьезных контрах. Она пытается убедить меня, что я должна «простить и отпустить», а я пытаюсь сказать, что какого черта я должна прощать и отпускать, если меня и в хвост, и в гриву? Ему же было явно мало изменить мне. Теперь он хочет отобрать то, что принадлежит мне по закону! Ведь по итогу Глеб просто использовал глупую, маленькую девочку с богатым папой, который оплатил ему будущее. Ему и его «самой красивой суке»! Отлично придумали. Теперь, когда все высоты достигнуты, можно девочку и списать, а так как богатого папы больше нет, никто ее не защитит.

Вот как я вижу эту ситуацию! Мама только головой качает и губы поджимает. Она не хочет, чтобы я ввязывалась. Она хочет побыстрее закрыть вопрос с разводом, потому что так мне будет проще. И да, я согласна, с какой-то стороны она права. Я не представляю себе, как будет сложно стоять с Глебом по разные стороны баррикад и выгрызть себе все, что причитается. В перспективе это станет огромным испытанием, которое я... черт, не факт, что выведу. Мама это знает. Все-таки воевать с тем, кого ты любишь — дело неблагодарное. Плюс ко всему, я уверена, что его кошка подключится. Она начнет топить меня с другой стороны, выкладывая их фотографии, появляясь с ним на публичных мероприятиях. Она и до этого появлялась, конечно, но теперь они не станут скрывать своих отношений. Как снежный ком, на меня обрушится сразу все. Боль от предательства, взгляды, *знани* наших друзей. Я догадываюсь, что на меня никто, конечно, пальцем показывать не будет, но шептаться за спиной начнут.

Станут сравнивать...

И в конце концов они поймут Глеба. Потому что Стефания — самая красивая женщина, а я просто Аня. Притом не в лучшей своей форме.

Когда я смотрю на себя в зеркало, не узнаю того, кого там вижу. Я очень сильно похудела и действительно осунулась. Глаза опухшие, красные, под ними огромные синяки. Губы искусанные... не человек, а тень того, кем он когда-то был. Без огонька в глазах. Без жизни в сердце. Как только я ввяжусь в процесс — это станет моим медленным суицидом.

Или можно поступить иначе.

У мамы есть двоюродная сестра, с которой они очень близки. Она живет во Франции, и я, на самом деле, благодаря ей поняла, что писателем стать возможно. Она не писатель, конечно, но она работает в крупном, парижском издательстве главным редактором. Почти как Глеб. Она ищет таланты. Мама отправила ей мой роман, который я написала пару лет назад про русскую княжну и ее запретные отношения с мужчиной младше ее и ниже по статусу. Он ей безумно понравился! И она хочет показать его своему начальнику, который сто процентно (по заверением мамы и тети Инны) захочет его издать. Сначала, конечно, перевести на французский, а потом издать, но издать! А Глеб никогда не хотел... он всегда говорил, что мне пока рано, что нужно поднабрать опыта, и я ему верила. Сейчас закрадывается мысль, что по какой-то причине ему было не совсем выгодно моя самореализация в профессиональном плане. Конечно, как тогда я смогу все свои силы вкладывать в его работу, если буду занята своей?

Снова злюсь. Сжимаю кулаки и жмурюсь.

Он отнял у меня все. И я не только про свое сердце, но и про свое время, а теперь что же получается? Прости и отпусти? Нет!

Решительно выхожу из ванной комнаты и иду в гостиную, где собираюсь сказать маме свое окончательное решение: я буду сражаться! И не за деньги! За принцип! Потому что со мной так, черт возьми, нельзя!

Но я замираю на пороге...

Мама заснула, подоткнув голову рукой, а у вдруг сердце сжимается, глядя на нее. В своих страданиях я совсем не заметила, что она тоже переживает, и что ей тоже сложно.

Моя мама бесконечно устала.

Мы с ней смотрели «Унесенные ветром», когда я вышла «попудрить носик», так что по телевизору Скарлетт О'Хара продолжает сражаться за Тару, а я...вдруг понимаю, что...как бы это ни было неприятно, но, похоже, мне действительно нужно отступить. Хотя бы ради мамы, если не ради себя.

Конечно, мне это не нравится. Что-то внутри все равно встает на дыбы, когда я медленно подхожу к маме и беру плед, но...я же понимаю, что она будет рядом со мной. Она будет меня поддерживать до конца. И я боюсь представить, каким сложным испытанием это станет на самом деле. Я же буду плакать. Я знаю, что буду. Слез набегит целое море, а может быть, даже океан. Они ударят по мне, конечно, но по ней они ударят сильнее. Эта неделя будто состарила и вымотала маму лет на десять, а если я вступлю в войну, всего будет еще больше. Притом только отрицательного. Никакого просвета. И ради чего?...Ради справедливости? Мы ведь в деньгах действительно не нуждаемся. А мама у меня одна...я не хочу ее потерять. Ее надо беречь, как и себя, полагаю, тоже.

Вздыхаю, бережно накрываю ее пледом, а потом выключаю телевизор и тихо выхожу из гостиной, прикрыв за собой дверь.

Звонить ему — не стану! Мне вообще не хочется больше ни видеть, ни слышать о Глебе, но сообщить о своем решении как-то надо. Поэтому я трусливо пишу сообщение, а сама над собой насмехаюсь: ну да, суд, а то как же. Ты даже голос его слышать не можешь, господи...борец, черт возьми, за справедливости. И куда ты лезть-то собралась? Когда у тебя нет сил даже на обычный, телефонный разговор?

Вы

Сколько я получу, если соглашусь?

Пока я пишу короткое сообщение, сама поражаюсь маминой пронизательности. Наверно, все мамы такие? Но я верю, что моя особенная. Она знала, что я не выведу, и я не считаю это оскорблением, хотя достаточно обидно. Чувствую себя слабой и уязвимой, но...главное, наверно, что я это признаю, да? Наконец-то признаю...я не готова ко всему, что последует за объявлением войны. Может быть, была бы готова потом, но не сейчас. Интересно, он это понимает? Это часть его стратегии? Нет, нет, нет. Не думай об этом. Так еще хуже.

Любимый #####

Я отдам тебе в пять раз больше того, что твой отец когда-то дал мне.

В пять раз — это щедро, конечно, но гораздо меньше того, что я получила бы, если бы ввязалась в суд.

Сука...

Какая же ты тварь. Тварь! Мне еще больше кажется, что Глеб с самого начала все продумал...но это разве имеет значения? Мне снова больно. Я смотрю на его имя, которое всегда ждала на экране своего телефона, потом вспоминаю его глаза — и это адски больно, черт возьми! Нет, я не выведу суд. Я точно его не выведу...

Вы

Я согласна

Мне эти слова даются с трудом, но «Любимый #####» помогает. Надо сменить его имя...срочно...

Мудак

Аня, я рад, что ты приняла это решение! Оно правильное, и значит, мы сможем остаться в хороших отношениях, а не разводить бессмысленную грызню. Ты не представляешь, сколько это для меня значит...

Глазам своим не верю. В хороших отношениях? Сука подлая. Надеюсь, мама снова будет права, и ты за все ответишь если не перед законом, то перед Богом. Гандон...

Вы

Я хочу получить свои деньги в ближайшее время

Мудак

Конечно. Давай встретимся завтра?

Вы

Нет. Пришли их с курьером

Потому что, если мы встретимся, боюсь, что я сяду за особо жестокое убийство одного особо циничного козла, который строит из себя жертву обстоятельств, полную фальшивого благородства.

Мудак

Да...понимаю...для этого еще рано, но хорошо. Я пришлю их с курьером, а от тебя тогда жду бумаги.

Ну, разумеется. Что тебе еще от меня может быть нужно? Ты уже все получил. Мудак...

Мудак

Ань

Мудак

Мне действительно жаль, что так получилось. Я не хотел делать тебе больно и очень старался...прекратить эти отношения, но не смог. Прости меня

Мудак

Ты навсегда останешься моим близким человеком и лучшим другом. Надеюсь, что скоро мы сможем снова общаться, как раньше.

Глазам своим не верю...близким человеком, лучшим другом...тварь...какая же ты...господи!

Отшвыриваю телефон, прижимаю ладошки к глазам и снова скатываюсь в истерику. Да...я совершенно не готова к суду, если меня из колеи может выбить такие, казалось бы, совершенно обыкновенные слова. Беззлобные и пустые, как и все наши отношения в принципе...

В ту ночь я снова долго плакала, пораженная до глубины души такой отвратительной циничностью, но по итогу, пожалуй, определить, что тебе важнее — стало моим самым верным решением.

Когда с утра я сказала маме, что приняла предложение Глеба и через полчаса курьер придет за деньгами, она очень обрадовалась, а потом сообщила мне, что уже связалась со знакомым судьей. Не будет никакого месяца «на подумать», нас разведут сразу.

- ...А еще я уже нашла покупателей на этот дом, - заявляет она, я резко поворачиваю голову и хмурюсь.

- В смысле покупателей?! Ты собралась его продать?

- Инна звонила, Ань, - с улыбкой говорит она, - Твою книгу одобрили. Ее собираются издать, притом сразу большим тиражом!

До меня не доходит услышанное, поэтому я стою и глазами хлопаю, а мама улыбается шире и буквально восклицает!

- Мы переезжаем во Францию, Ань! Нас приглашают! Ну, точнее, тебя, конечно же, а я так...к Инне переберусь. Она тоже одинока, и я одинока. Будем одинокими вместе...

- Мам...

- Знаю... - тихо говорит она, оглядываясь вокруг, - Дом, конечно, жалко, но...мне здесь очень сложно жить. Все вокруг напоминает о твоём папе...а там...мы сможем начать новую жизнь! Ведь это только начало, Аня! Начальник Инны сказал, что ты — бриллиант. И если у тебя есть еще материал, он его с радостью прочитает, а потом возьмет в работу! А у тебя есть! У тебя на две жизни вперед идей хватит! Понимаешь?

Кажется.

Когда в жизни закрывается одна дверь, то обязательно открывается новая, да?...

Моя новая дверь открылась через полторы недели, когда вещи были собраны, квартира и дом проданы, вместе с моей машиной и всем-всем-всем, что напоминало о бывшем муже.

Я не оставила абсолютно ничего.

Даже фотографии сожгла в мусорном баке на заднем дворе, а пепел развеяла по ветру. Единственное, что напоминало о том, что я когда-то была замужем за мудаком — свидетельство о разводе, полученное через три дня, после подачи документов.

Вот так.

Когда я сажусь за руль маминой машины, я не чувствую боли и даже тоски. Я рвусь вперед, хотя знаю, что это только временное явление, оно прекрасно в своем моменте.

- Ну что? Вещи мы отправили, теперь и сами можем двинуть?

Мама говорит с улыбкой, а я киваю и завожу двигатель. Мы решили устроить себе небольшой отпуск, так что едем своим ходом. Дорога займет около тридцати двух часов, но со всеми запланированными остановками, это путешествие будет растянуто примерно на неделю. Уверена, что я оставлю себе новые воспоминания в виде море фотографий и историй, что в конечном счете прекрасно не меньше, чем мое состояние.

Это новая жизнь и новое начало. Его лучше закладывать со счастливого кирпичика, а что может быть лучше, чем время с мамой?

Я смотрю на нее и вижу, что она тоже очень воодушевлена. Улыбается, пока красит губы, и я...я тоже улыбаюсь. Хорошо, что я не ввязалась во всю эту пургу с судом. И правда. Пусть забирает все, лишь бы никогда больше не слышать и не видеть его, хотя я и знаю, что буду смотреть. Я буду, но и это однажды закончится, потому что на самом деле, ему больше нет места в моей новой жизни, которая обещает быть потрясающей.

И она будет, клянусь. Я клянусь тебе, небо, что я стану счастливой, переживу этот удар, встану и гордо пойду дальше, где обязательно встречу другого мужчину. И с ним я буду собой на сто процентов, а не наполовину.

Включаю музыку на своем телефоне.

... You promised the world and I fell for it

I put you first and you adored it

Set fires to my forest
And you let it burn
Sang off-key in my chorus
To love, love, yeah
I needed to hate you to love me, yeah
To love, yeah
I needed to lose you to love me
And now the chapter is closed and done
And now it's goodbye, it's goodbye for us*

Помню, что я была не готова услышать окончание этой песни, но теперь все изменилось.
Я сразу к нему и мотаю, а потом медленно трогаюсь с места.
И теперь настало время попрощаться с тем, что было между нами...

*Selena Gomez — Lose u 2 love me
Ты обещал мне целый мир, и я купилась на это.
Я ставила тебя на первое место, и ты это обожал.
Ты устроил пожар в моём лесу
И позволил ему сгореть.
В моём хоре ты пел фальшиво.
Чтобы полюбить, полюбить, да,
Мне было необходимо возненавидеть тебя, чтобы полюбить себя, да.
Чтобы полюбить, полюбить, да,
Мне нужно было потерять тебя, чтобы полюбить себя,
И теперь эта глава окончена, и с ней покончено.
И теперь настало время попрощаться, попрощаться с тем, что было между нами.

От автора: Следующая глава будет уже в подписке, мои дорогие) Кто со мной давно, знают, что это значит: традиционный розыгрыш! За всей информацией приглашаю в свой блог))) совсем скоро создам пост с условиями)))) ##### по традиции, вас там будет ждать много призов!)))

«Париж»

«Париж»

Аня; три года спустя

Я медленно открываю глаза и потягиваюсь на своей огромной постели, пока в окно бьет ласковый лучик света, который нагло продирается между двумя тяжелыми гардинами.

Хорошо. Кажется, я достигла определенного Дзена, и в принципе, жизнь моя, можно сказать, удалась.

А какая она, собственная? Эта жизнь? Да разная, если честно. Обычно у меня есть две дороги, по которой она развивается. Я либо жаворонок, либо сова. Что мне ближе пока совсем непонятно, но в этом, думаю, есть своя определенная эстетика, если ты — пи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.